

Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики

Константин Вадимович БОГДАНОВ

кандидат технических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.
E-mail: cbogdanov@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Богданов К.В. (2018) Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 81–95.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-81-95

АННОТАЦИЯ. Китайская ядерная стратегия по-прежнему остается закрытой областью, а реальный состав ядерных вооружений КНР никогда не публиковался официально. Китайская ядерная политика в доктринальной плоскости декларирует применение ядерного оружия (ЯО) только в ответ на ядерное нападение на КНР.

Несмотря на заявления официальных лиц в Пекине, следует признать, что Китай на сегодняшний день является третьей ядерной державой планеты – если не по количеству оперативно развернутых ядерных боезарядов, то по качественному составу самостоятельно разработанных и поставленных на боевое дежурство средств их доставки. При этом Китай – единственный из постоянных членов СБ ООН, который в момент и сразу после распада bipolarной системы вел активное совершенствование своих ядерных вооружений, наращивая их численно.

Развитие китайских ядерных сил длительное время отставало от темпов, задаваемых гонкой вооружений СССР и США. Но в условиях глубоких сокращений ядерных arsenалов сверхдержав с 1990-х годов Китай сумел провести коренную технологическую модернизацию своих ядерных сил, полностью по-

меняя их облик. Широкое развертывание мобильных ракетных комплексов средней и межконтинентальной дальности с твердотопливными ракетами создает новое качество стратегических сил КНР. По ряду оценок, речь может идти о постановке отдаленной задачи по достижению паритета в стратегических вооружениях (ядерных и неядерных) с Россией и США.

При этом Китай практически не связан международными режимами по контролю над вооружениями, если не считать Договора о нераспространении ядерного оружия. Сочетание интенсивной модернизации ядерных сил с отсутствием обязательств по ограничению и сокращению стратегических вооружений ставит насущный вопрос о вовлечении Пекина в международные контрольные режимы. Рационально выглядела бы проработка пилотного трехстороннего формата взаимодействия Китая, России и США в локальном вопросе об ограничении высокоточных систем гиперзвукового ракетного оружия (в том числе ракетно-планирующих систем).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, ядерное оружие, ядерная стратегия, стратегические ядерные силы, тактическое

ядерное оружие, многосторонние переговоры по разоружению

Штрихи к портрету ядерной стратегии КНР

Реальное наполнение ядерной стратегии Китая с самого момента появления у него ядерного оружия остается скрытым, а состав ядерных арсеналов никогда официально не публиковался. Пекин, не будучи участником международных режимов по контролю над наступательными вооружениями, ограничен, по сути, только требованиями Договора о нераспространении ядерного оружия, к которому он присоединился в 1992 г.

Официальная позиция страны по вопросу о применении ЯО сводится к набору тезисов, которые Пекин обнародовал сразу после своего первого ядерного испытания в 1964 г. В дальнейшем эта позиция повторялась с незначительными дополнениями¹. Согласно официальным китайским воззрениям, главной целью всех стран мира в области ядерной политики должно стать всеобъемлющее и полное ядерное разоружение. Обладание же собственным ЯО преподносится Китаем как минимально допустимое вынужденное отступление от этого принципа, сделанное в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки с целью купирования внешних угроз национальной безопасности [Lewis, Litai 2012].

Однако наблюдение за тем, как Китай строит свои ядерные силы, позволяет сделать некоторые обобщающие

заклучения, которые можно считать своего рода «расшифровкой» китайской ядерной стратегии. Значительный массив исследований, накопленных к настоящему времени, несмотря на лакуны и неопределенность в отдельных вопросах, не содержит значимых противоречий в трактовках наблюдаемых явлений² [Bin 2001; Lewis, Litai 2012; Riqiang 2013; Кашин 2016].

Стратегия времен первого десятилетия обладания Китаем ЯО (с 1964 г. приблизительно по середину 1970-х гг.) обычно определяется через понятие «экзистенциального сдерживания». Этот период характеризовался значительной неопределенностью в ядерной стратегии Пекина, дополненной чрезвычайно ограниченными возможностями по применению ЯО. По сути, Китай не обладал возможностью с должной боевой устойчивостью применять свои ядерные силы нигде, кроме как на своей территории и в ближних приграничных районах.

К середине 1970-х гг. КНР создала баллистические ракеты средней дальности (БРСД), позволявшие наносить ядерные удары по американским военным объектам в Восточной Азии, а также по территории СССР вплоть до рубежей Уральских гор и Волги. Ракеты характеризовались весьма низкой степенью боеготовности: так, предстартовая подготовка занимала первоначально 4 часа, в дальнейшем до 2,5 часов. В этот период, несмотря на активные вложения в развитие БРСД и выбранный еще в 1960-х гг. путь к созданию ракетно-ядерных сил, основным видом оперативно развернутого китайского ЯО оставались авиабомбы свободно-

1 Изложение официальной позиции КНР по вопросу о ЯО можно найти, например, в: China's National Statement on Security Assurances // UN.org, April 5, 1995 // <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/210a.htm>, дата обращения 30.11.2018.

2 Liping Xia (2016) China's Nuclear Doctrine: Debates and Evolution // Carnegie Endowment for International Peace, June 30, 2016 // <http://carnegieendowment.org/2016/06/30/china-s-nuclear-doctrine-debates-and-evolution-pub-63967>, дата обращения 30.11.2018.

го падения, успешное применение которых становилось все более проблематичным из-за военно-технического отставания от СССР и США.

В самом конце 1970-х – начале 1980-х гг. начался следующий этап в строительстве китайских ядерных сил в рамках перехода к доктрине «минимального сдерживания», уже позволявшей Китаю применять ЯО на относительно удалении от своих границ. В этот момент Пекин начинает развертывание новых типов БРСД, дальность которых уже позволяла поражать всю территорию СССР, Аляску, а также значительную часть Европы. В 1982 г. появились шахтные комплексы с первыми китайскими межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР), под ударом которых находились уже практически все районы основной территории США. Параллельно в этот период велись активные работы по созданию китайского тактического ЯО.

На рубеже XX–XXI вв. КНР провела почти революционную модернизацию ядерных сил, резко повысив техническое совершенство используемых вооружений. В этот период, в частности, появились первые китайские мобильные комплексы с твердотопливными ракетами – с повышенной живучестью в ответном ударе и сокращенным временем предстартовой подготовки. Параллельно разрабатывались и новые баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), а также осваивалась технология разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН).

Проводя эту коренную модернизацию, Пекин не делал ставку на резкое количественное наращивание арсена-

лов ЯО – по крайней мере, демонстративно. Однако с 1985 г. в горных районах центрального Китая шло активное строительство масштабной сети скальных укрытий глубокого залегания (так называемой «Великой подземной стены»), предположительно предназначенных для защиты резервов мобильных стратегических носителей ЯО³. Ряд исследователей указывают и на роль этих сооружений в возможном накоплении неучтенного (скрытого) запаса ЯО, что на данный момент не получило надежного подтверждения.

В 2017 г. американские военные подтвердили циркулировавшую до того неофициальную информацию (опирающуюся, в том числе, на фотографии объектов), согласно которой Китай завершает строительство новых радаров системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН)⁴ в провинциях Хэйлунцзян (с ориентацией в северном направлении) и Шаньдун (с ориентацией на юго-юго-восток). Предыдущие эксперименты Китая с созданием систем раннего предупреждения не увенчались успехом. Два объекта, создававшихся с середины 1970-х гг. для наблюдения за ракетными пусками СССР, были заброшены в начале 1990-х гг. из-за недостаточных технических возможностей и сокращения военных расходов в стране [Zhang 2015, p. 105].

Среди экспертов по ядерной стратегии КНР в целом существует согласие относительно того, что в мирное время значительное количество китайских ракет (хотя и не все они) находятся в пониженной боеготовности, в частности – со снятыми боеголовками, которые хранятся отдельно. Нельзя не отметить, что подобная практика дела-

3 Hui Zhang (2012) The Defensive Nature of China's "Underground Great Wall" // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 // <https://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-underground-great-wall>, дата обращения 30.11.2018.

4 Annual Report to Congress (2017). Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, p. 50 // <https://fas.org/man/eprint/dod-china-2017.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

ет оперативно развернутые стратегические силы особенно уязвимыми к возможным контрсиловым ударам противника. Элементами стратегии по повышению боевой устойчивости СЯС и укреплению потенциала ответного удара являются программы по активной разработке новых мобильных ракетных комплексов, а также создание «Великой подземной стены». Последняя обозначается некоторыми специалистами как средство, призванное обеспечить применение достаточного резерва СЯС в ответном ударе и рассматривается как укрытие для мобильных ракетных комплексов в угрожаемый период⁵.

Создание новых элементов СПРН также укладывается в эту логику. КНР пытается получить возможность как можно раньше определить факт ракетного нападения со стороны противника и передать в пункты постоянной дислокации сигнал тревоги, чтобы мобильные пусковые установки постарались успеть рассредоточиться на местности, тем самым максимально сохраняя потенциал для ответного удара. Пока нет признаков создания в Китае информационно-управляющих систем, достаточных для проведения ответно-встречного удара («запуска по предупреждению»), но последние исследования показывают, что военная мысль КНР поэтапно развивается в направлении разработки и такой модели боевого применения СЯС [Kulacki 2015, p. 4].

Результаты текущего проекта модернизации приведут к полному перевооружению китайских СЯС на мобильные твердотопливные МБР и БРСД нового поколения, оснащенные РГЧ ИН. Создается перспективное боевое оснащение, в частности средства

преодоления ПРО и маневрирующие боевые блоки. Вложения Китая в технологическое совершенствование СЯС настолько велики, что заставляют говорить о постановке отдаленной задачи по достижению стратегического паритета с Россией и США [Кашин 2016, с. 79–80].

Одна из возможных трактовок столь интенсивной «скрытой модернизации» – нарастающая обеспокоенность Пекина американскими программами в области ПРО (в частности, развертыванием компонентов системы ПРО США в Восточной Азии). Следует отметить, что Китай, чей стратегический потенциал во многом опирается на БРСД, куда в большей степени, чем Россия, видит угрозу в американских противоракетных системах Standard SM-3 морского базирования. Развернутые и проходящие сейчас испытания версии этих противоракет (Block IB и Block IIА) не способны перехватывать МБР, но могут бороться с БРСД. Особую озабоченность в Китае вызывает и развитие в США неядерных высокоточных стратегических систем (программа «Быстрый глобальный удар»).

Однако, несмотря на все вышеизложенное, контрсиловой потенциал китайских СЯС по-прежнему довольно ограничен и носит преимущественно региональный характер. В этом варианте он в первую очередь связан с высокоточными БРСД в неядерном исполнении, а также с перспективными разработками гиперзвуковых ракетно-планирующих систем. На данном этапе СЯС Китая ориентированы на контрценностные действия – ядерные удары по крупным городам противника [Cordesman, Kendall, Colley 2016, pp. 9–10; Kulacki 2015, p. 3].

5 Hui Zhang (2012) The Defensive Nature of China's "Underground Great Wall" // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 // <https://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-underground-great-wall>, дата обращения 30.11.2018.

Ядерные боезаряды Китая

Спекуляции о существовании скрытого компонента СЯС Китая в «Великой подземной стене» регулярно порождают дискуссии о реальных объемах выпуска в КНР ядерных боезарядов, тем более что официальный Пекин никогда не публиковал никаких количественных показателей, лишь утверждая, что его ядерный арсенал «невелик». Так, в апреле 2004 г. МИД КНР распространил заявление о том, что страна никогда не участвовала в гонке ядерных вооружений, произвела наименьшее число ядерных испытаний и обладает «самым малым» арсеналом ЯО среди прочих ядерных держав⁶.

Крайние оценки китайского запаса ЯО, предлагаемые исследователями, различаются почти на порядок. Так, у Ф. Карбера, автора одного из спорных исследований по теме «Великой подземной стены», мы читаем о 3000 боезарядов [Karber 2011, p. 331], что, очевидно, крайне завышено и вызывает вопросы к методологии авторской оценки, сводящейся к сопоставлению стоимости длины подземных коммуникаций со стоимостью ядерного боеприпаса, а также к линейной экстраполяции темпов накопления ЯО в Китае с 1970-х гг. до настоящего времени.

При этом более консервативные оценки экспертов опираются на известные сборочные мощности китайского ядерно-оружейного комплекса (в частности, Сычуаньский институт материалов и технологий, он же «завод 903» – единственное известное предприятие по сборке ядерных боеприпасов) [Ka-

shin 2015, с. 158]. Так, оценка экспертов Федерации американских ученых говорит всего лишь о 260 боезарядах [Kris-tensen, Norris 2016, p. 206].

Спекуляции вокруг объема китайского ядерного арсенала связаны и с расхождениями в оценке количества оружейных материалов, которыми располагает Пекин. По имеющимся сведениям, КНР остановила наработку урана-235 в 1987 г., а плутония-239 – в 1990 г. Однако мнения о накопленном объеме оружейных материалов сильно различаются.

Стандартными в последние годы считаются оценки, выставляемые международной исследовательской группой International Panel on Fissile Materials (IPFM). Длительное время (с конца 2000-х гг.) считалось, что запасы плутония-239 в Китае составляют $1,8 \pm 0,5$ т при общей наработке $2 \pm 0,5$ т (с учетом затрат на ядерные испытания), а запасы урана-235 – 16 ± 4 т при общей наработке 20 ± 4 т (с учетом испытаний и снабжения ядерным топливом реакторов подводных лодок)⁷. В конце 2017 г. оценка была серьезно исправлена: рассчитанный по ней объем плутония оказался куда выше – $2,9 \pm 0,6$ т, а урана – наоборот, чуть ниже (14 ± 3) т⁸. Колебания близких по времени оценок по оружейному плутонию даже внутри одной расчетной модели, таким образом, достигают почти 50%.

Российские военные специалисты выдвигали свою альтернативу этим цифрам. Так, бывший начальник Главного штаба РВСН генерал-полковник В.И. Есин в своих работах приводил следующую оценку наработки оружейных материалов в Китае: до 10 т плуто-

6 Fact Sheet: China: Nuclear Disarmament and Reduction. Ministry of Foreign Affairs of the People Republic of China (2004) // GlobalSecurity.org, April 27, 2004 // https://www.globalsecurity.org/wmd/library/report/2004/prc_nuclear-disarmament-factsheet_27apr2004.htm, дата обращения 30.11.2018.

7 Global Fissile Material Report 2010, Princeton, NJ: International Panel on Fissile Material.

8 Hui Zhang (2017) China's Fissile Material: Production and Stockpile // International Panel on Fissile Materials, 2017 // <http://fissilematerials.org/library/r17.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

ния-239 и до 40 т урана-235. По его расчетам, этого теоретически достаточно для выпуска 3600 ядерных боезарядов: 2000 плутониевых и 1600 урановых. Реальный потолок производства В.И. Есин оценивал в 1600–1800 зарядов (исходя из гипотезы об использовании 50% наработанного объема оружейных материалов), при этом непосредственно в войсках, по его мнению, могут быть оперативно развернуты не более 800–900 зарядов⁹.

Нормативы расхода оружейных материалов на выпуск боеприпасов деления и термоядерных боеприпасов рассматривались в открытых работах западных и российских специалистов [Cochran 1995, pp. 96–99; Fetter, Frolov, Miller, Mozley, Prilutsky, Rodionov, Sagdeev 1990], а также в материалах, непосредственно посвященных китайской ядерной проблематике¹⁰. Анализ на их основе даже весьма сдержанных оценок IPRM показывает, что Китай обладает значительным потенциалом в области производства ЯО, выходящим за пределы консервативной оценки в 250–300 боезарядов. Поэтому объем наработки расщепляющихся материалов неправомерно считать критически важным ограничивающим фактором развития ядерных сил КНР.

Проблема точного установления количества ядерных боезарядов в КНР тесно связана с определением факта достижения условного порогового статуса, по преодолению которого Пекин более не сможет аргументировать отказ от участия в переговорах по ядерному разоружению небольшим размером своего арсенала.

Стратегические ядерные силы Китая

Особенности положения Китая состоят в том, что систему ядерного сдерживания ему необходимо выстраивать в отношении двух ядерных сверхдержав (России и США) и региональной ядерной державы (Индии) фактически по круговой схеме. Это накладывает отпечаток на структуру стратегических ядерных сил, в которых исторически прослеживаются два контура: условно внутриконтинентальный (против СССР/России, Индии и региональных баз США в Восточной Азии) и межконтинентальный (против основной территории США).

К середине 1980-х гг. Китай завершил первый этап развития своих СЯС. Боевыми средствами были, соответственно, жидкостные БРСД наземного либо шахтного старта и жидкостные шахтные МБР. Второй этап создания СЯС завершается в данный момент, он связан с переходом на мобильные твердотопливные ракетные системы. Морской компонент ядерных сил сдерживания развивался в отдельном цикле и довольно медленно. Только с середины 2010-х гг. стало можно говорить о том, что Китай получил применимый на практике потенциал ответного ядерного удара, основанный на использовании БРПЛ.

Основными китайскими МБР с 1982 г. остаются ракеты DF-5 шахтного базирования, развернутые в количестве около 20 единиц. Тяжелая жидкостная ракета оснащается моноблочной боевой частью мегатонного класса

9 Есин В. (2012) Третий после США и России // Военно-промышленный курьер. № 17(434) // <https://vpk-news.ru/articles/8838>, дата обращения 30.11.2018.

10 Hui Zhang (2012) The Defensive Nature of China's "Underground Great Wall" // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 // <https://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-underground-great-wall>; Hui Zhang (2018) Why China Stopped Making Fissile Material for Nukes // Bulletin of the Atomic Scientists, March 15, 2018 // <https://thebulletin.org/why-china-stopped-making-fissile-material-nukes11610>, дата обращения 30.11.2018.

и имеет дальность около 13000 км. Боеготовность ракет достаточно низкая – так, перед стартом они требуют заправки топливом, что удлинит время подготовки до 30–60 минут. К середине 2010-х гг. Китай модернизировал половину из этих ракет (DF-5B), что предполагает в том числе установку РГЧ ИН с тремя боевыми блоками среднего класса мощности. Также сообщалось об испытании новой версии DF-5C, предназначенной для несения 10 боевых блоков (предположительно, малого класса мощности). Однако сообщений о постановке таких ракет на боевое дежурство пока не поступало¹¹.

С 2006 г. Китай начал развертывание мобильных твердотопливных МБР¹² DF-31. Исходная версия этой ракеты имеет дальность 7250 км, а модернизированная DF-31A – до 11200–12300 км. Ракеты со стартовым весом не менее 42 т оснащены моноблочными боевыми частями среднего или повышенного класса мощности (от нескольких сотен кт до 1 Мт). По энерго-массовым характеристикам DF-31/DF-31A в первом приближении сопоставимы с российскими МБР из состава комплексов РТ-2ПМ «Тополь» и РТ-2ПМ2 «Тополь-М», хотя китайские комплексы уступают российским по ряду параметров, в частности по точности, реализованным мерам преодоления ПРО и проходимости пусковых установок.

Развернуто не менее 35 ракет этих типов. Российские военные эксперты отмечают [Есин 2012, с. 32], что соеди-

нения, вооруженные DF-31, поддерживаются в высокой боеготовности, а это, в частности, может означать несение боевого дежурства с установленными головными частями (что нехарактерно для китайских СЯС).

В августе 2017 г. на параде в Пекине продемонстрировали новую версию DF-31AG, ранее также именовавшуюся DF-31B. Эта ракета предположительно оснащена РГЧ ИН с тремя боевыми блоками среднего класса мощности, а вместо полуприцепа, как у предыдущих версий, размещается на автотягаче повышенной проходимости.

В роли основной МБР устаревшую DF-5 должна будет заменить перспективная DF-41, разработка которой была начата еще в 1980-е гг. Изделие имеет массу около 80 т и предназначено для старта с мобильных пусковых установок: автотягача или железнодорожного комплекса. Энергомассовые характеристики, заявленные для ракеты DF-41, близки к аналогичным параметрам американской МБР Peacekeeper (MX), что подразумевает высокий уровень технологического совершенства. Однако открытым остается вопрос о реальном значении веса полезной нагрузки, забрасываемой на полную дальность (12000 км).

В обоих пусках DF-41, где испытывалась ступень разведения, внешние средства наблюдения фиксировали только две массивные цели¹³. Предположительно, это были массогабаритные имитаторы боевых блоков средне-

11 Gertz B. (2017) China Tests Missile with 10 Warheads // The Washington Free Beacon, January 31, 2017 // <http://freebeacon.com/national-security/china-tests-missile-10-warheads/>, дата обращения 30.11.2018.

12 Здесь следует подчеркнуть различие в классификации, вызванное, в том числе, и особенностями боевого применения. Первая версия DF-31 имеет дальность 7250 км, а по принятой в России и США терминологии баллистические ракеты с дальностью более 5500 км именуются МБР. Однако в самом Китае межконтинентальными считают только ракеты с дальностью более 8000 км, а изделия, попадающие в диапазон 3000–8000 км, называют «ракетами большой дальности» [Lewis, Di 1992].

13 Gertz B. (2015) China Tests New Long-Range Missile with Two Guided Warheads // The Washington Free Beacon, August 18, 2015 // <http://freebeacon.com/national-security/china-tests-new-long-range-missile-with-two-guided-warheads/>; Gertz B. (2016) China Flight Tests New Multiple-Warhead Missile // The Washington Free Beacon, April 19, 2016 // <http://freebeacon.com/national-security/china-flight-tests-multiple-warhead-missile/>, дата обращения 30.11.2018.

го класса мощности, аналогичных тем, что устанавливаются на DF-5B и DF-31A [Kristensen, Norris 2016, p. 208]. Однако, по сообщениям китайских СМИ, DF-41 должна нести 10 боевых блоков. Если речь не идет о преднамеренной дезинформации, то это может свидетельствовать о разработке в Китае боевых блоков малого класса мощности, при этом их уровень технологического совершенства должен не уступать американским (W76) или российским аналогам.

Первая ракетная бригада с DF-41 была поставлена на опытно-боевое дежурство в январе 2017 г. в провинции Хэйлунцзян, непосредственно возле границы с Россией. Выбор этого района развертывания, наблюдаемого и уязвимого, нередко трактуют как политико-психологический жест, который должен продемонстрировать России ненаправленность DF-41 против нее. Напомним, однако, что DF-41 предположительно включена в контур боевых средств, в первую очередь предназначенных для поражения континентальной территории США, что делает этот жест чисто символическим. Для решения задач сдерживания России Китай использует другие ракеты, в том числе упомянутые выше DF-31.

Заметную часть потенциала СЯС КНР составляют БРСД. На этот компонент возложены задачи регионального сдерживания. Следует отметить, что китайские БРСД первыми получили новые качественные возможности по нанесению контрсиловых ударов, включая установку высокоточных корректируемых боевых блоков в неядерном исполнении.

Китайские БРСД предыдущего поколения представлены 7–10 ракетами DF-4 (дальность до 5500 км, оснащены моноблоками мощностью 2–4 Мт), которые постепенно замещаются МБР DF-31. Наиболее многочисленные ки-

тайские БРСД – ракеты DF-21 четырех различных модификаций, размещаемые на мобильных пусковых установках. В частности, Китай развернул не менее 80 БРСД DF-21A/DF-21B с моноблочными ядерными боевыми частями среднего класса мощности и дальностью 1770–2150 км [Kristensen, Norris 2016, p. 206]. Кроме этого, еще не менее 60 ракет типов DF-21C и DF-21D предположительно не оснащаются ядерными боевыми частями. DF-21D предназначена для поражения надводных кораблей и несет управляемый боевой блок с радиолокационной корректировкой на терминальном участке траектории.

В 2017 г. в войска начала поступать новая БРСД DF-26 с дальностью до 4000 км, получившая в американской прессе громкое прозвище «убийца Гуама». Эта ракета может оснащаться ядерными боезарядами, но пока нет надежной информации о том, что это произошло. При этом боевой блок DF-26 предположительно схож с управляемым боевым блоком DF-21D и также может применяться для нанесения ударов по надводным кораблям.

Важным компонентом развития китайских СЯС являются программы создания высокоточных маневрирующих боевых блоков для БРСД. Следующим шагом станет создание гиперзвуковых планирующих крылатых блоков. Проект WU-14 (DF-ZF) предусматривает разработку такого блока сначала для БРСД, а в дальнейшем и для МБР; на данный момент с 2014 г. проведены семь его испытаний.

Морской компонент стратегической триады КНР еще только развивается. Первая лодка-ракетоносец проекта 092 (типа «Ся») была введена в строй еще в 1987 г. Она оснащалась 12 БРПЛ JL-1 с дальностью около 1700 км. Лодка осталась единственной в своем типе, так как оказалась крайне неудачной

по конструкции, неудобной в эксплуатации и так и не вышла на уровень боеготовности, достаточный для регулярного ведения боевого патрулирования. На данный момент считается, что она выведена из состава флота.

С 2007 г. Китай начал передавать флоту новые ракетоносцы проекта 094 (типа «Цзинь»). Они несут 12 БРПЛ JL-2 с дальностью до 7200–8000 км, которые оснащаются моноблочными боевыми частями среднего или повышенного класса мощности. К 2015 г. в строй были введены четыре лодки этого типа; к этому же времени ракетный комплекс JL-2 достиг требуемой оперативной готовности и ракетоносцы начали регулярно выходить на боевое дежурство.

Летом 2016 г. была впервые сфотографирована лодка измененной конструкции, обозначенная как проект 094А. Ее особенностью является увеличенный «горб» ракетного отсека, что связано с размещением нового ракетного комплекса. Наблюдатели расходятся в том, идет ли речь о модификации JL-2С либо о перспективном комплексе JL-3 (который пока находится на ранней стадии разработки).

Авиационный компонент стратегической триады когда-то был главным носителем китайского ЯО, но сейчас эта функция практически полностью утрачена. Так, американские военные отмечают, что китайские ВВС на данный момент, вероятно, вовсе не имеют задач по применению ЯО¹⁴. Самолеты-носители китайских ядерных авиабомб – бомбардировщики H-6, созданные на основе советских Ту-16 – проходят переоборудование в носители высокоточных крылатых ракет CJ-10 и переориентируются на решение задач неядерного сдерживания. CJ-10 теорети-

чески могут оснащаться ядерными боевыми частями, но на данный момент надежных свидетельств этому нет.

В 2015–2016 гг. в Китае прошла реформа военного управления, завершившаяся переименованием «Второй артиллерии» («Второго артиллерийского корпуса НОАК», концентрировавшего в себе ракетно-ядерный потенциал КНР) в Ракетные войска НОАК с одновременным приданием им статуса одного из пяти видов вооруженных сил. Специалисты отмечают, что реформа не совсем вписывается в прежние доктринальные воззрения, связанные с «минимальным сдерживанием», в т.ч. ставит под вопрос продолжение ведения боевого дежурства ракет со снятыми ядерными боевыми частями и однозначно является шагом на пути к созданию системы боевого дежурства СЯС по аналогии с другими крупными державами [Кашин 2016, с. 84].

Китай и нестратегическое ядерное оружие

Ситуация с нестратегическим ЯО КНР изучена сравнительно слабо. Пекин, впрочем, никогда не подтверждал обладание таким оружием. Западные и отечественные оценки арсеналов китайского нестратегического ЯО с 1970-х гг. в периодически колебались от уровня в несколько сотен боезарядов до отрицания самого факта существования такого класса ядерных вооружений в КНР.

С 1970-х гг. в рамках подготовки к возможному сухопутному конфликту с СССР Китай вел разработку нескольких типов маломощных ядерных боезарядов для авиации и такти-

14 Annual Report to Congress (2017). Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, p. 61 // <https://fas.org/man/eprint/dod-china-2017.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

ческих баллистических ракет. Испытания плутониевых зарядов деления с выходом мощности 8–15 кт велись в 1971–1972 гг. на полигоне Лобнор [Kristensen, Norris, McKinzie 2006, pp. 101–102]. Известно также, что в 1980-е гг. в Китае успешно реализовали программу создания нейтронного оружия [Ray 2015]. В частности, к 1988 г. был разработан и испытан нейтронный боезаряд мощностью 3–4 кт (предположительно, для артиллерийского снаряда), однако серийное производство и накопление боеприпасов этого типа в связи с кардинальным изменением военно-политической ситуации не велось [Кашин 2016, с. 82–83].

Обладание тактическим ЯО рассматривалось Пекином как средство сдерживания при возможном вторжении в Китай. В начале 1980-х гг. этой проблеме был посвящен целый ряд учений, закончившихся в июне 1982 г. крупными общевойсковыми маневрами в Нинся-Хуэйском автономном районе. В этой серии учений отрабатывались действия сухопутных войск в условиях применения ЯО малой мощности. Характерно, что американская разведка в 1980-е гг. отмечала «избыточное производство оружейных материалов», выходящее за пределы потребностей стратегических программ, полагая это косвенным подтверждением создания Китаем тактических ядерных систем [Kristensen, Norris, McKinzie 2006, pp. 99–100].

Также неясно, разрабатывались ли и производились ли серийно иные виды нестратегического ЯО, включая ядерные торпеды, морские мины и глубинные бомбы, инженерные фугасы, а также боеголовки для зенитных ракет. Оценки американской военной разведки допускали создание в 1980-х гг. ядерных инженерных фугасов (около 50 единиц) и глубинных бомб, но при этом исключали создание ядерных сна-

рядов для ствольной артиллерии (что входит в противоречие с другими источниками), ядерных ракет «воздух-воздух» и торпед [Kristensen, Norris, McKinzie 2006, pp. 99–100].

В качестве возможных нестратегических носителей ядерных боеголовок на данный момент принято рассматривать оперативно-тактические ракеты DF-11 (с дальностью 300–700 км в зависимости от версии), DF-15 (с дальностью до 900 км) и DF-16 (до 1000 км), а также крылатые ракеты DH-10 (версия CJ-10 наземного старта с дальностью не менее 1500 км). По ряду оценок, общее количество боезарядов для оперативно-тактических баллистических ракет и крылатых ракет может достигать 150 единиц [Cordeman, Kendall, Colley 2016, p. 20]. Однако нет достоверных сведений об их реальном наличии. При этом некоторые источники указывают, что в арсеналах тактической авиации ВВС Китая дополнительно может находиться до 320 ядерных авиабомб нескольких модификаций с максимальным выходом до 20 кт [Есин 2012, с. 30]. Однако их носители, устаревшие истребители-бомбардировщики Q-5А, имевшиеся в количестве около 30 единиц, выводятся из боевого состава [Кашин 2015, с. 156].

Перспективы участия Китая в режимах контроля над вооружениями

Китай не брал на себя обязательств по контролю над вооружениями, аналогичных тем, которые с начала 1970-х гг. принимали США и СССР/Россия, – за исключением присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1992 г. Китайское военно-политическое руководство двойственно относится к потенциальному вхождению

страны в такие обязывающие договоренности.

С одной стороны, официальная позиция КНР сводится к тому, что необходима полная ликвидация ЯО во всем мире. Соответственно, любые шаги в направлении дальнейшего ядерного разоружения встречают позитивную оценку в Пекине. С другой стороны, китайские военные указывают на то, что ведущие ядерные державы могут воспользоваться процессом ядерного разоружения, чтобы законсервировать свое пропорциональное превосходство, ослабив конкурентов. В Китае оценивают свой потенциал ядерного сдерживания как сравнительно хрупкий и потому потенциально подверженный сильному влиянию со стороны внешних ограничителей, в роли которых выступают контрольные режимы. Поэтому, заключают в Пекине, вхождение страны в эти режимы должно вестись рационально и только при условии принятия ядерными сверхдержавами проверяемых встречных обязательств [Kulacki 2015, pp. 4–6].

Китайская сторона неоднократно декларировала готовность публиковать количественные сведения о своих ядерных силах и участвовать в переговорах по разоружению. Однако в качестве предварительных условий Пекин выдвигает ряд довольно серьезных требований, реалистичность выполнения которых на данном этапе вызывает обоснованные сомнения. Так, Китай требует от России и США официально отказаться от права применения ядерного оружия первыми, а также дополнительно сократить свои ядерные арсеналы [Арбатов 2012, с. 54, 63].

Очень трудно воспринимать этот набор требований как рациональную переговорную позицию. Скажем, публикация официальных сведений о китайских ядерных силах не облегчит США или России решение гипотетиче-

ской задачи организации контрсилового удара по Китаю. Здесь речь следует вести скорее о традиционных особенностях китайской ядерной стратегии, которые сохраняются с самых ранних этапов ее появления и иногда характеризуются исследователями как «сдерживание через неопределенность». Предварительное сокращение ядерных сил сверхдержав в условиях нерешенности проблемы реального числа боезарядов и носителей у КНР лишено практического смысла для Москвы и Вашингтона. Намеренно завышая порог входных требований, Пекин, по сути, ведет жесткую торговлю, предлагая заинтересованным в сотрудничестве с ним странам убедить его весомыми уступками [Арбатов 2012, с. 64]. Все вместе это может свидетельствовать о том, что на данный момент Пекин лишен достаточно сильной самостоятельной мотивации подключаться к международным режимам по контролю за вооружениями.

Выдвижение Китаем таких требований во многом подчеркивает значительный объем противоречий, которые Россия и США накопили в двусторонних отношениях и в реализации на практике действующих контрольных режимов. Так, озабоченность Пекина вызывают и острые вопросы российско-американских отношений – в частности, американская система ПРО и особенно развитие стратегических вооружений в неядерном оснащении (программа «Быстрого глобального удара»). Напомним, что в Китае на доктринальном уровне продекларировано неприменение ЯО в ответ на нападение, осуществленное неядерными средствами.

Помимо ПРО и неядерных стратегических вооружений, само поднятие вопроса о реальных размерах китайского ядерного арсенала может вернуть на повестку дня застарелую рос-

сийско-американскую проблему «возвратного потенциала». Во всяком случае, требование Китая о контролируемых сокращениях ЯО в США и России как предварительном условии вступления в переговоры можно трактовать и так.

При этом сам Китай на случай возобновления в мире гонки вооружений обладает серьезным резервом возможностей. Завершение модернизации СЯС с внедрением на ракеты РГЧ ИН позволяет существенно нарастить потенциал – ровно так же, как это случилось в 1970-е гг. в СССР и США [Арбатова, Дворкин 2013, с. 38].

Перспективы включения Китая в гипотетические трехсторонние переговоры с Россией и США будут зависеть от того, насколько успешным окажется взаимодействие Москвы и Вашингтона на следующем этапе, где должна состояться выработка новых правил на период после окончания действия (либо продления) Пражского договора об ограничении и сокращении наступательных вооружений (подписан в 2010 г.). Чем дольше стороны будут затягивать решение этой проблемы, тем сильнее будут подвергаться эрозии действующие контрольные режимы и тем слабее Пекин будет мотивирован участвовать в многосторонних форматах.

* * *

Ядерные силы КНР претерпевают очень серьезную эволюцию. Она связана как с изменением организационных форм, так и с совершенствованием имеющихся систем вооружений. Сочетание этих факторов ставит перед китайскими военными задачу поиска и освоения новых форм боевого применения ЯО.

Начавшееся в форме длительной разработки боевых ракетных комплексов нового поколения, совершенство-

вание ядерных сил Китая в настоящий момент, возможно, вступает в стадию приведения доктринальных воззрений в соответствие с новыми военно-техническими возможностями. Особенно это заметно на примере создания целых отраслей, ранее практически исключенных из повестки ядерной стратегии (СПРН и ядерного компонента морского базирования, возможно – системы, обеспечивающей успешное проведение ответно-встречного удара), а также в разрезе интенсификации создания принципиально новых систем стратегических вооружений (таких как гиперзвуковые планирующие крылатые блоки).

Одним из магистральных направлений, безусловно, остается задача обеспечения боевой устойчивости СЯС и их выживания в ответном ударе. С этим направлением связан обостренный интерес китайских экспертов к американским программам ПРО, а также к созданию в США новых типов неядерных ударных вооружений (гиперзвуковых).

Китай и сам развивает систему неядерного сдерживания, подробное рассмотрение которой выходит за рамки нашей статьи, но которая непосредственно коррелирует с совершенствованием ядерных сил.

Ближайшее десятилетие станет ключевым в вопросе о статусе китайских ядерных сил. На данный момент налицо все организационные и военно-технические предпосылки и признаки их зарождающейся трансформации в боевую систему с принципиально новыми возможностями, приближающимися к возможностям ядерных сверхдержав пусть не количественно, но качественно. На этом пути могут сформироваться условия для проведения многосторонних переговоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений.

Список литературы

- Арбатов А.А. (2012) Перспективы подключения КНР к ограничению ядерных вооружений // Арбатов А.А., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. (ред.) Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений. М.: ИМЭМО РАН. С. 52–67.
- Арбатов А.А., Дворкин В.З. (2013) Большой стратегический треугольник. М.: Московский центр Карнеги.
- Есин В.И. (2012) Ядерная мощь КНР // Арбатов А.А., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. (ред.) Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений. М.: ИМЭМО РАН. С. 27–35.
- Кашин В. (2015) К вопросу о масштабах производства стратегических вооружений в КНР: международное значение // Сафронова Е.И. (ред.) Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. 20. М.: ИДВ РАН. С. 154–172.
- Кашин В.Б. (2016) Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 4. С. 77–94.
- Baohui Zhang (2015) China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic International Order, New York: Routledge.
- Cochran T.B. (1995) The Problem of Nuclear Energy Proliferation // Energy and National Security in the 21st Century (ed. Clawson P.L.), Washington, DC: National Defense University Press, pp. 95–114.
- Cordesman A., Kendall J., Colley S. (2016) China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction, Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.
- Fetter S., Frolov V.A., Miller M., Mозley R., Prilutsky O.F., Rodionov S.N., Sagdeev R.Z. (1990) Detecting Nuclear Warheads // Science & Global Security, vol. 1, no 3–4, pp. 225–253.
- Karber P.A. (2011) Strategic Implications of China's Underground Great Wall, Washington, DC: Georgetown University, Asia Arms Control Project.
- Kristensen H.M., Norris R.S. (2016) Chinese Nuclear Forces, 2016 // Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 72, no 4, pp. 205–211.
- Kristensen H.M., Norris R.S., McKinzie M.G. (2006) Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning, Washington, DC: Federation of American Scientists, Natural Resources Defense Council.
- Kulacki G. (2015) The Chinese Military Updates China's Nuclear Strategy, Cambridge, MA: Union of Concerned Scientists.
- Lewis J., Hua Di (1992) China's Ballistic Missile Program // International Security, vol. 17, no 2, pp. 5–40.
- Lewis J., Xue Litai (2012) Making China's Nuclear War Plan // Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 68, no 5, pp. 45–65.
- Li Bin (2001) The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization, Beijing: Institute of Science and Public Affairs, China Youth College for Political Science.
- Ray J. (2015) Red China's "Capitalist Bomb": Inside the Chinese Neutron Bomb Program, Washington, DC: National Defense University Press.
- Saalman L. (2017) Factoring Russia into the U.S.–Chinese Equation on Hypersonic Glide Vehicles // SIPRI Insights on Peace and Security, no 1 // <https://www.sipri.org/publications/2017/sipri-insights-peace-and-security/factoring-russia-us-chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles>, дата обращения 29.11.2018.
- Wu Riqiang (2013) Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics // Journal of Strategic Studies, vol. 36, no 4, pp. 579–614.

The Nuclear Forces and Nuclear Strategy of the People's Republic of China

Konstantin V. BOGDANOV

PhD in Engineering, Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cbogdanov@gmail.com

CITATION: Bogdanov K.V. (2018) The Nuclear Forces and Nuclear Strategy of the People's Republic of China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 81–95 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-81-95

ABSTRACT. *The focus of the Chinese nuclear strategy is still unclear and the actual size of nuclear arsenals of the PRC has never been published officially. According to the official Chinese nuclear policy, the PRC can use nuclear weapons only as means of “effective retaliation” in the credible second strike.*

Despite the official Chinese stance, we have to recognize that the PRC now is the third nuclear power in the world. That follows from the pragmatic assessment of the size of its nuclear arsenals and the variety of nuclear weapons, which China managed to design and deploy. Note that China is the only permanent member of the U.N. Security Council which has been actively improving and expanding its nuclear arsenals after the demise of the bipolar world.

For many years the development of the Chinese nuclear forces had lagged behind the pace of the arms race set by the U.S. and U.S.S.R. The things had changed since the 1990s. Against the background of the superpowers' deep cuts of nuclear weapons the PRC managed the radical modernization of its nuclear forces, and their shape has changed drastically. A full-scale deployment of the improved mobile solid-propellant IRBM, SLBM and ICBM raises the Chinese nuclear forces to a new level. According to some assessments, China may work to achieve strategic parity with the U.S. and Russia.

At the same time, the PRC is almost not bound by obligations of the international arms control regimes, apart of the Non-Proliferation Treaty. Intense modernization of the strategic nuclear forces and lack of obligations are raising an issue of China's involvement in international arms control regimes. It seems reasonable to conduct the pilot trilateral negotiations (China, Russia, and U.S.) on precision-guided hypersonic weapons, boost-glide in particular.

KEY WORDS: *China, nuclear weapons, nuclear strategy, strategic nuclear forces, tactical nuclear weapons, multilateral disarmament negotiations*

References

Arbatov A.A. (2012) The Prospects of Engaging China in Nuclear Arms Limitation. *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzhenij* [Prospects of China's Participation in Nuclear Arms Limitations] (eds. Arbatov A.A., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 52–67.

Arbatov A.A., Dvorkin V.Z. (2013) *Bol'shoj strategicheskij treugol'nik* [The Great Strategic Triangle], Moscow: Carnegie Moscow Center.

Baohui Zhang (2015) *China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic International Order*, New York: Routledge.

Cochran T.B. (1995) The Problem of Nuclear Energy Proliferation. *Energy and National Security in the 21st Century* (ed. Clawson P.L.), Washington, DC: National Defense University Press, pp. 95–114.

Cordesman A., Kendall J., Colley S. (2016) *China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction*, Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Esin V.I. (2012) Yadernaya moshh' KNR [China's Nuclear Capabilities]. *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzhenij* [Prospects of China's Participation in Nuclear Arms Limitations] (eds. Arbatov A.A., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 27–35.

Fetter S., Frolov V.A., Miller M., Mozley R., Prilutsky O.F., Rodionov S.N., Sagdeev R.Z. (1990) Detecting Nuclear Warheads. *Science & Global Security*, vol. 1, no 3–4, pp. 225–253.

Karber P.A. (2011) *Strategic Implications of China's Underground Great Wall*, Washington, DC: Georgetown University, Asia Arms Control Project.

Kashin V.B. (2015) K voprosu o masshtabakh proizvodstva strategicheskikh vooruzhenij v KNR: mezhdunarodnoe znachenie [On the Scale of Strategic Nuclear Weapons' Production in China: International Context]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. Vyp. 20 [China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue 20] (ed. Safronova E.I.), Moscow: IDV RAN, pp. 154 – 172.

Kashin V.B. (2016) Razvitie yadernykh sil Kitaya: nachalo glubokoj transformatsii [The Development of Chinese Nuclear Forces: Start of a Deep Transformation]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 4, pp. 77–94.

Kristensen H.M., Norris R.S. (2016) Chinese Nuclear Forces, 2016. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 72, no 4, pp. 205–211.

Kristensen H.M., Norris R.S., McKinzie M.G. (2006) *Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning*, Washington, DC: Federation of American Scientists, Natural Resources Defense Council.

Kulacki G. (2015) *The Chinese Military Updates China's Nuclear Strategy*, Cambridge, MA: Union of Concerned Scientists.

Lewis J., Hua Di (1992) China's Ballistic Missile Program. *International Security*, vol. 17, no 2, pp. 5–40.

Lewis J., Xue Litai (2012) Making China's Nuclear War Plan. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 68, no 5, pp. 45–65.

Li Bin (2001) *The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization*, Beijing: Institute of Science and Public Affairs, China Youth College for Political Science.

Ray J. (2015) *Red China's "Capitalist Bomb": Inside the Chinese Neutron Bomb Program*, Washington, DC: National Defense University Press.

Saalman L. (2017) Factoring Russia into the U.S.–Chinese Equation on Hypersonic Glide Vehicles. *SIPRI Insights on Peace and Security*, no 1. Available at: <https://www.sipri.org/publications/2017/sipri-insights-peace-and-security/factoring-russia-us-chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles>, accessed 29.11.2018.

Wu Riqiang (2013) Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics. *Journal of Strategic Studies*, vol. 36, no 4, pp. 579–614.